

Е.В. ПИНЮГИНА*

**РУССКОЕ ЕВРАЗИЙСТВО:
СОВРЕМЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
(Рецензия)**

Рецензия на кн.: Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ: монография. Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. – 270 с.

Для цитирования: **Пинюгина Е.В.** Русское евразийство: современное измерение (Рецензия) // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 283–293. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.14>

Ключевые слова: евразийство; Россия – Евразия; морехозяйственная деятельность; внутриконтинентальные соседства; русско-тюркские отношения; геоэкономика.

Монография известного российского географа А.Г. Дружинина «Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ» посвящена возможностям использования данного научного направления (изложенного в трудах эмигрантов Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого и др. в 1920–1930-е годы XX в.) в настоящее время. Основной вопрос, поставленный авто-

* **Пинюгина Елена Викторовна**, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия)

ром, звучит так: «каков потенциал “евразийского видения” сущности и перспектив нашей страны в современной, крайне неустойчивой, динамичной реальности» (с. 15). Отвечая на него, автор рассматривает, как адаптированы к современным условиям идеи о хозяйственной деятельности в системе «Суша – Море», о внутриконтинентальных соседствах и русско-тюркском симбиозе.

Ревизия евразийских идей особенно актуальна для российского научного и общественно-политического дискурса в связи со сменой в 2014 г. внешнеполитического курса страны, обусловленной последствиями российско-украинского кризиса – санкциями западных стран и нарастающей конфронтацией России со странами Евро-Атлантики. Приоритетами нового курса стали так называемый «разворот на Восток» и активизация интеграционного процесса на постсоветском пространстве в формате заключения договора о создании Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС).

Первоначально ЕАЭС считался скорее инструментом взаимодействия с Европейским союзом (ЕС): он мог использоваться для конкуренции за влияние на страны СНГ и, одновременно, как аргумент, усиливающий позиции России в обсуждении проекта экономической интеграции России и ЕС. Этот проект, известный как «Большая Европа от Лиссабона до Владивостока», долгие годы являлся стратегической целью российской власти, но в 2014 г. эту цель пришлось адаптировать к изменившимся условиям и попытаться наделить ЕАЭС самостоятельным значением. В 2014–2015 гг. выяснилось, что ЕАЭС пока далек от статуса геополитической опоры России в Евразии. Партнеры по ЕАЭС отстранились от России по «крымскому вопросу», не желая нести потери из-за ее усиливающейся конфронтации с ЕС и США, – впрочем, сложно было рассчитывать на поддержку, если ее не оказала даже Беларусь, член Союзного государства. Менее ожидаемы были ограничения союзнического потенциала ЕАЭС «тюркским фактором». Они проявились в период обострения отношений с Турцией из-за пересечения интересов двух стран в Сирии (более того, и внутри России обозначился тюркский фактор, поскольку руководство Татарстана отказалось поддержать позицию страны в диалоге с Турцией).

Препятствием для укрепления единства ЕАЭС является политика КНР, заинтересованная в сохранении формата двусторонних отношений с азиатскими странами ЕАЭС и вовлечении их в многостороннее взаимодействие на азиатских платформах, где

Россия не имеет существенного влияния (таких, как региональная интеграция, членство в международных организациях, участие в форумах). Наиболее масштабной из таких платформ, вовлекающих страны ЕАЭС во взаимодействие, стал официально представленный Китаем в 2015 г. геополитический проект «Один пояс – один путь» и его внутриконтинентальное направление – «Экономический пояс Нового шелкового пути» (ЭПШП). Проект в некоторой степени воспроизводит применительно к КНР идеи русского евразийства столетней давности, в том числе и принцип внутриконтинентальных соседств: так, основные цели ЭПШП в порядке убывания важности – выравнивание экономического развития регионов КНР с помощью вовлечения удаленных от побережья провинций в создаваемые транспортные коридоры (ТК); углубление интеграции стран Центральной Азии и Китая; интенсификация товарооборота с Европой по новым ТК. Поскольку на этой платформе вместо России центром притяжения Евразии становится Китай, следует признать стратегическим достижением России официальное согласие с Китаем необходимости сопряжения ЭПШП и ЕАЭС. Перспективной может стать и разрабатываемая российским экспертным сообществом альтернатива китайскому проекту – концепция «Большой Евразии» (БЕ) как платформы для взаимодействия всех стран Евразии «от Северного Ледовитого океана до Индийского океана – Индия, Афганистан и так далее, а так – от Лиссабона до Владивостока или Пусана и Шанхая», а, возможно, и примыкающих к ней стран Африканского континента и Африки в целом. Согласно определению одного из авторов концепции, БЕ – «общеконтинентальная система экономического сотрудничества, развития и безопасности уже не по европоцентричной модели».

Такая платформа может привлечь страны Азии, не участвующие в ЭПШП, и частично компенсировать доминирование Китая, неизбежное при сопряжении ЭПШП и ЕАЭС. Укрепление ЕАЭС, параллельно с развитием платформы БЕ, помогло бы России преодолеть вытеснение из Европы, в силу неизбежного вовлечения последней в деятельность новой международной платформы, охватывающей все больше стран Евразийского континента и не сосредоточенной на европейской проблематике. В политическом дискурсе российской власти с 2016 г. концепция БЕ получила официальное название «Большого Евразийского Партнерства» (БЕАП) и поддерживается лично президентом В. Путиным. Разви-

тие БЕАП подразумевает возможность охвата стран ШОС и АСЕАН, а также включения прилегающих к Евразии стран Северной Африки; но для реализации любой модели БЕАП необходимо успешное развитие ЕАЭС, модернизация экономики стран-участниц и реализация национальных интересов в сфере экономического развития.

А.Г. Дружинин предлагает в монографии свою интерпретацию различных аспектов успешного развития ЕАЭС, и в первую очередь России как ядра этого союза – это морехозяйственная активность, использование внутриконтинентальных соседств, а также русско-тюркское взаимодействие.

Существенная часть монографии посвящена подходу евразийства к морехозяйственной активности России и развитию его принципов после распада СССР. Посыл евразийцев состоял в том, что из всех значительных государств мира Россия географически находится в самом невыигрышном положении относительно преимуществ морской торговли, поэтому программа «выхода на океаны» должна дополнить первостепенную задачу развития континентально-ориентированной экономики страны (с. 74). Евразийцы первыми отметили, что побережье России разорвано на четыре обособленных в экономическом и военно-морском смысле участка. И в советский период проблему «четвертованности» действительно частично разрешили за счет формирования инфраструктуры Северного морского пути и внутриконтинентальных судоходных путей, Беломоро-Балтийского, Волго-Балтийского и Волго-Донского каналов. Но после распада СССР к природным факторам дезинтеграции добавились институционально-экономические – в виде интересов и возможностей корпораций, а также геоэкономические – преимущественные хозяйственные взаимосвязи приморских регионов России с ближайшими морскими соседями (с. 110). Тем не менее происходит инкорпорирование России в «океаническую» экономику, парадоксальным образом связанное с тем, что она лишилась части приморской инфраструктуры (в новых независимых государствах остались 15 крупных системообразующих приморских городов, 9 из 17 пароходств Советского Союза и 25 из 67 его морских портов). Именно после распада СССР началось инфраструктурное обустройство остающихся в юрисдикции РФ побережий, реализация одной из первых постсоветских целевых программ «Возрождение торгового флота России на 1993–

2000 годы» и, как подчеркивает автор, впервые в российской истории начиная с XVI в. обустройство имеющихся побережий стало альтернативой внешней экспансии (с. 76).

Проведя комплексный анализ морехозяйственной активности страны, автор выделяет пять макрорегионов (Балтийский, Черноморско-Азовский, Каспийский, Тихоокеанский, Арктический) и приводит доказательства успешного решения в 1990-х годах проблемы портово-логистической инфраструктуры: за последующий период (2000–2019) грузооборот морских портов России вырос более чем в 4 раза (с. 76). В то же время отмечается, что рост морского сегмента российской экономики преимущественно сопряжен с ее интернационализацией и сырьевым профилем: за 2001–2021 гг. в 23 раза увеличился объем морской добычи нефти, в 8 раз – природного газа (в том числе СПГ); рыбодобыча также является экспортоориентированной (с. 80). Следствиями общей позитивной динамики является преодоление «вестернизированности» морехозяйственной активности: ее пространственное рассредоточение, приращение центров морской экономики (Ямал, Крым, Дагестан), перераспределение грузооборота в пользу портов Приморского края и Арктической зоны, развитие морской инфраструктуры трансграничного хозяйственного взаимодействия (порты, морские газопроводы, грузовые терминалы) на Балтике и в Причерноморье.

Предсказанный евразийцами транзит страны-континента к океану, таким образом, состоялся, но он сопровождается дисбалансами между морскими грузопотоками и потенциалом российского фрахта; развитием военного и гражданского судостроения, порождающего спрос на современные технологии и отечественные разработки. Как справедливо отмечает автор, эти дисбалансы проявились в ситуации необходимости достраивания морского газопровода «Северный поток – 2» своими силами, в условиях санкций на поставку технологий и оборудования (с. 91). Напряженная международная обстановка, возрастающая конкуренция ведущих держав в Мировом океане и его акваториях и вызванное пандемией COVID-19 замедление экономического роста требуют скоординированного, взаимоподдерживающего (для региональных структур и корпораций) характера морской активности, выстраивания ее как единой национальной системы, концепт которой возник в советском социально-экономическом дискурсе в 1960-х годах применительно к созданию народно-хозяйственных комплексов. Как пола-

гает автор, этот опыт не только может быть перенесен в сферу морехозяйственной активности, но и должен вернуться в научный дискурс «с неизбежной поправкой на глобализацию, масштаб трансграничных структур и “интернационализированных” хозяйственных практик, олигопольно-монопольный характер важнейших (и, прежде всего, морских) видов хозяйствования, сложившуюся социально-территориальную стратификацию» (с. 111). Признавая растущую мореориентированность России устойчивым трендом, А.Г. Дружинин констатирует трансформацию присущей нашей стране территориальной организации общества в новую форму – акватерриториальную организацию (с. 114).

Третья часть книги посвящена интерпретации предложенного евразийцами «принципа использования континентальных соседств», т.е. извлечения выгоды из экономического взаимодополнения соприкасающихся областей внутриконтинентального мира. Существенной оговоркой относительно этого принципа в его первом измерении – межстрановой торговле – является требование определенного уровня экономического развития стран-соседей, при котором экономический обмен становится возможным (с. 119). Второе измерение использования принципа соседства менее зависимо от предусловий – речь идет о фактической сопряженности «внутриконтинентальных» территорий и приморских регионов, развивающейся «в процессе формирования и функционирования хинтерландов морских портов» (с. 120). По оценке автора, в советский период принципу «континентальных соседств» соответствовали теория районирования и производственно-территориальных сочетаний. В этой же логике к 80-м годам была достигнута такая степень хозяйственной взаимозависимости союзных республик, что объемы внутрисоюзных товарообменов превосходили внешнеэкономические. Но в XXI в. трансформационные процессы на постсоветском пространстве стимулируют переосмысление фактора границ: граничить не обязательно значит соседствовать и партнерствовать. Реконцептуализируя принцип соседства с учетом текущей экономической конъюнктуры и морехозяйственной активности, А.Г. Дружинин обозначает ареал приоритетного для геоэкономики РФ «газового соседства», вышедшего далеко за пределы «России-Евразии» и сферы геополитического доминирования СССР в Европе. Соседство вследствие развивающейся по всей линии российских границ (за исключением цен-

тральных и восточных секторов Арктики) акватерриториальной трансграничной регионализации; расширение круга «соседей» в масштабах суперконтинента Афро-Евразии – российское военное присутствие в Сирии, выход России на рынки продовольствия Среднего и Ближнего Востока, Южной Азии и Африки, перспективы присутствия на рынках этих стран с вакцинами. Крайне низкий экономический потенциал постсоветской Евразии предопределяет предпочтительность для России больших внутриконтинентальных партнерств с ведущими геоэкономическими акторами как на Западе («Большая Европа»), так и на Востоке («Большая Евразия»). Приведем лишь один наглядный пример из развернутого статистического анализа, предложенного автором: «“завоевание” дополнительно 1% в “импортном пироге” КНР обеспечило бы нашей стране 20,7 млрд долл. экспортных доходов (нарастив их сразу на 5%). Для сравнения, если бы все постсоветские государства нарастили долю России в своем импорте до 65%, как Белоруссия, “интеграционная добавка” к экспортным возможностям России составила бы 68,9 млрд долл. США и не превысила бы 16% от общего объема экспорта российских товаров за 2019 г.» (с. 145). Абсолютным же приоритетом внутриконтинентальной стратегии выступает «выстраивание “горизонтальных” производственно-хозяйственных связей между собственно российскими регионами, общее повышение экономической связности территорий Российской Федерации как “остова” и “сердцевинного элемента” всего евразийского пространства» (с. 152).

Далее автор рассматривает стержневой компонент классического евразийства – значение русско-тюркского синтеза для «России-Евразии». Приведя несколько цитат евразийцев о наличии у русских не только славянской компоненты, автор воспроизводит и присущую им терминологическую неточность – использование этнонимов *татары*, *туранцы* и *монголы* (соплеменников Чингисхана) как синонимов: «Как “русскотуранскую” и “русско-татарскую” воспринимал “Россию-Евразию” П.Н. Савицкий, полагая, что “без “татарщины” не было бы России”, а Н.С. Трубецкой подчеркивал, что “сожителство русских с туранцами проходит красной нитью через всю нашу историю”. Он же характеризовал нашу страну в качестве преемницы “великого наследия Чингисхана”, предлагая “для правильного национального самопознания... учитывать личность у нас [русских. – А. Д.] туранского элемента”» (с. 158).

Очевидно, что совместное существование именно с татарами Волжской Булгарии и Золотой Орды, а не с многочисленными среднеазиатскими этносами Турана, населенного иранскими и тюркскими племенами, проходит через всю тысячелетнюю историю России. Именно с ними, как и с другими коренным народами России, русские связаны многовековым взаимодействием, общей культурой, антропологическим смешением и лингвистическим взаимопроникновением, тогда как этносы десятков государств, столетиями сменявшие друг друга на территории Турана, были далеки от судеб Московской Руси, хотя ареал проживания некоторых из них также входил в юрисдикцию Золотой Орды. Присоединение населенных тюркскими народами территорий Турана в имперский и советский периоды истории России происходило в разном контексте (добровольно, как, например, в случае казахских жузов, искавших защиты от джунгарской агрессии, или путем завоевания, как с туркменами-текинцами), но уже не влекло за собой таких явлений симбиотического порядка, как русско-татарское сближение, выразившееся в том числе в переходе знатных татарских родов на русскую службу в XVI–XVII вв., принятии ими православия, наделении татарской знати в XVIII в. всеми привилегиями русского дворянства.

Не вдаваясь в эти детали, А.Г. Дружинин выделяет в качестве концептуального аспекта евразийства выявление в русском наследии не только славянской, но и тюркской компоненты и признание значимости русско-тюркского взаимодействия, благодаря чему из трудов евразийцев следуют важные выводы – о государствообразующем и культуроформирующем характере взаимодействия народов России и о равенстве народов, образующих единый наднациональный союз (с. 160).

Представляя в книге комплексный демографический и географический анализ тюркской компоненты населения Евразии и России, автор доказывает, что СССР стал месторазвитием тюркских народов, за годы его существования нарастивших не только свою численность, но и долю в демографической структуре населения страны. Этот аргумент важен в диалоге с приверженцами распространяемой в научном и политическом дискурсе доктрины о российской и советской колонизации Средней Азии и угнетении ее народов. Развивая эту идею автора, следует подчеркнуть, что чем дольше российская сторона избегает обсуждения с центрально-

азиатскими государствами их образовательных программ с целью прекращения тотальной дискредитации связанного с Российской империей и СССР периода их истории, тем более сложной станет проблема интеграции миллионов трудовых мигрантов из этих стран. Согласно прогнозу автора, к 2050 г. на территориях бывшего СССР, соответствующих контуру «России-Евразии», доля русского этноса в совокупной популяции составит 38,5% (117,7 млн человек), тюркоязычных этносов достигнет 32,8% (более 100 млн человек) (с. 168–172). При этом в масштабах планеты обнаруживается еще одна тенденция, обозначенная автором как «тектонический сдвиг» – резкое сокращение удельного веса российской юрисдикции в локализации популяции тюркоязычных народов, от 50% в 1989 г. в СССР до 8% – в современной России. Для сравнения, на территории Турецкой Республики проживает не менее 35% всего тюркоязычного населения Земли, в связи с чем российская национальная и внешняя политика должна быть одновременно активной и деликатной, учитывать восприимчивость тюркского населения к внешним воздействиям и ограниченность потенциала своего влияния на евразийские процессы (с. 183).

Измерения современного русско-тюркского взаимодействия выделены автором в несколько кругов сопряженности. Первый – «Российский тюркский мир», где влияние идей пантюркизма оценивается как незначительное, со ссылкой на недавнее социологическое исследование взглядов татар, среди которых на вопрос «Какие культуры из нижеперечисленных вам наиболее близки?» ответы «российская» и «русская» выбрали 38 и 16,5% респондентов, а вариант «тюркская культура» – только 1,2% (с. 194). Второй круг – отношения с тюркскими постсоветскими государствами, в том числе странами ЕАЭС, где действуют эффекты «исторической колеи» и факторы «географического соседства». Платформой соседства, расширяющей в том числе экономический формат ЕАЭС, могли бы стать такие меры, как декларация нерушимости границ, укрепление позиций русского языка и памяти о совместной победе в Великой Отечественной войне, культивирование репрезентации тюркского мира как полицентричного, а не моноцентричного «турецкого» (с. 194), в котором вместо этнонимов фигурируют словосочетания «казахские турки», «киргизские турки» и т.п. (с. 185). В этом контексте настаивающий оттенок для

тюркских народов и их политических элит несет популяризация в Азербайджане турецкого концепта «одна нация – два государства».

Третий круг сопряженности – собственно российско-турецкие отношения, имеющие неоднозначный характер партнерства – соперничества. Автор полагает необходимым противодействовать переориентации народов России на принадлежность турецкой цивилизации в политической сфере, и транспортно-логистическим амбициям Турции – в экономической. Для решения второй задачи предлагается создание на базе Москвы и области мегагорода (втягивающего 22 сопредельных региона Центральной России, где сосредоточены 32% населения страны) и конурбации «Москва – Санкт-Петербург – Нижний Новгород – Казань» с выходом в Европу и на Балтику. Целью этого проекта должно стать удержание российского социально-экономического и демографического лидерства в Центральной Евразии и достижение паритета с регионом Мармара (Стамбульской агломерации), укрепляющимся в роли логистического и транспортного хаба в центре Афро-Евразии (с. 197). Наконец, четвертый круг – взаимодействие с государствами Евразии, обладающими значимой, но не превалирующей тюркской компонентой, предотвращение конфликтов и противодействие экстремизму в ареале пересечения интересов Русского и Тюркского «миров» (Восточное Средиземноморье, Балканы, Причерноморье, Кавказ, Каспийско-Центральноазиатский регион) (с. 198).

В последней части работы представлены размышления о геостратегическом выборе России в свете идей классиков евразийства, выступавших не только за цивилизационную дистанцированность от Европы, но и предупреждавших о рисках ложной интерпретации разворота на Восток: «Исход к Востоку – это и есть возврат к себе, но не поход на восток за новыми заимствованиями... Если мы тяготимся чуждым нам европейским мундиром, то почему будем напяливать на себя одеяния китайского мандарина» (с. 216). Автором реалистично оценивается «китайская альтернатива», являющаяся в условиях XXI в. наиболее вероятным сценарием российского «разворота на Восток»: она названа вариацией в рамках прежнего инерционного тренда (с. 216). Прогнозируется, что по мере сближения с Китаем все более значимыми для нашей страны будут другие евразийские «противовесы», включая Индию, Турцию, Иран, Европу, а также рост вероятности для России стать объектом геополитического раздела в связи с тем, что «фактор

коронавируса» приближает становление биполярной конструкции «Запад – Китай» (с. 218). Переосмысленная в духе евразийского наследия геостратегия России, по мнению А.Г. Дружинина, должна основываться на сочетании разумного изоляционизма, селективной сопряженности с другими сопредельными государствами (в первую очередь, постсоветскими, в пределах «Собственно Евразии») и многовекторного взаимодействия в «большом» евразийском и глобальном форматах (с. 223).

В целом книга представляет сравнительно новый ракурс анализа евразийства в современном контексте и, несомненно, будет интересна читателям.

Pinyugina E.V.*

Russian Eurasianism: a modern dimension (Review)

For citation: **Pinyugina E.V.** Russian Eurasianism: a modern dimension (Review). *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 283–293. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.14>

Keywords: Eurasianism; Russia-Eurasia; maritime economic activity; intra-continental neighbors; Russian-Turkic relations; geo-economics.

References

Druzhinin A.G. *The ideas of classical Eurasianism: socio-geographical analysis*. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 2021, 270 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ: монография. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. – 270 с.

* **Pinyugina Elena**, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)